

ХОЖДЕНИЕ ЗА ЧЕТЫРЕ ОКЕАНА

Полное опасностей путешествие продолжалось ровно год

Страницы Великой Отечественной войны до сих пор раскрывают свои тайны. Казалось бы, 55 лет прошло,

столько книг и статей написано, фильмов снято, ан нет, порой случайная встреча подарит фантастический эпизод, о котором ты и слыхом не слыхивал. Примерно такое впечатление произвела на меня встреча с пестовчанином

Александром Лебедевым, совершившим в грозном 1942 году кругосветное путешествие, и не на чем-нибудь, а на... ледоколе.

КАК ЛЕДОКОЛ КРЕЙСЕРОМ БЫЛ

Еще перед войной паренек из вологодской Устюжны был призван на действительную службу в армию. Попал во флот, в севастопольский учебный отряд на курсы электромехаников, где по прошествии недолгого времени получил специальность трюмного машиниста. Человек он был сметливый, хваткий и умелый - давала знать крестьянская закваска, поэтому командование не долго думало, как распорядиться новоявленным матросом. И отправило его в город Николаев на судостроительный завод, в группу новостроящихся кораблей.

Там впервые Александр увидел, как на гигантских стапелях собираются будущие крейсера и эсминцы, ледоколы и миноносцы. Впрочем, удивляться и устраивать экскурсии на верфях ни ему, ни сотоварищам Лебедева долго не пришлось. В воздухе уже пахло порохом войны, и приходилось работать без выходных и перекуров, чтобы максимально довести до ума как можно больше кораблей.

Но 14 августа 1941 года Николаев был сдан неумолимо надвигающемуся врагу. Незадолго до этого времени был спущен на воду и находился в стадии сдаточных испытаний линейный ледокол "Микоян". Немцы уже находились на подступах к городу, когда на свежеепеченном, еще пахнущем краской корабле команда, в которую входил и Александр Лебедев, производила срочное переоборудование ледокола. Под бомбежками и обстрелом передовых вражеских отрядов из тяжелого судна, призванного нести мирную вахту, помогая человеку, выросал мощный военный корабль - вспомогательный крейсер "Микоян".

- Крепость мы сделали - загляденье, - говорит Александр Александрович. - Вооружили по каждому борту. А корпус на ледоколах, знаешь, какой крепкий - в четыре пальца толщиной. Он ведь рассчитан был крушить пятиметровую толщу льда. Заправились топливом - углем, целых три тысячи тонн в трюмы побросали да столько же котельной воды. Ну, все, думаем, берегись, фашист!

Еще летом 1941 года корабль вошел в состав Черноморского флота. Участвовал в обороне Одессы, Севастополя. И все это время на его борту находился трюмный матрос Лебедев.

И вот в разгар военных действий на Черном море, когда наши войска один за другим оставляли порты, топили свои корабли, чтобы они не попадали в руки врага, поступил приказ увести вспомогательный крейсер "Микоян" в тыл и вновь переоборудовать его!

Команда взроптала: тут каждый братишка на счету, а нас с передовых позиций почему уводят! Но приказ есть приказ, и ничего не понимающему личному составу все же пришлось подчиниться. Но на этом странности не кончились. А только начались.

ВМЕСТО ПУШЕК - БРАНДСПОЙТЫ

Пока команда мучалась в догадках, за какие провинности их лишили права защищать Родину, командование Черноморского флота совместно с Главным управлением северных морских путей решало важную стратегическую задачу: как под носом противника, контролирующего практически все водное пространство Черного и Средиземного морей, а также большую часть Атлантики, вывести "Микояна" из Туапсе, где проходило разоружение корабля, и доставить его в Архангельск. Там, в Ледовитом океане - единственной дороге жизни для объятной войной страны, кипела беспрестанная работа по доставке оружия, продуктов, боеприпасов в северные порты. И "дедушка" "Ермак" с несколькими мирными ледоколами не успевали справляться с обеспечением бесперебойной доставки грузов. Нужна была молодая энергия ледоколов нового поколения. Один из них - "Каганович" - вышел на несколько недель раньше "Микояна" из того же Туапсинского порта, но, пройдя почти весь путь, споткнулся на мощных льдах Северного морского пути, сломал винты и навсегда выбыл из строя. Поэтому на "Микояна" все смотрели с огромной надеждой.

Был разработан фантастический по дерзости план, воплотить в жизнь который предстояло и Александру Лебедеву. Итак, пушки с корабля сняли и вместе с обслуживающими их расчетами отправили на фронт. Оставшихся моряков принял потрошить Особый отдел. Кое-кого из соседей Лебедева по кубрику тоже вскоре на судне недосчитались. Но матросам некогда было гадать о судьбе исчезнувших вдруг товарищей, потому что однажды утром офицеры приказали всем сдать военную одежду и получить гражданскую экипировку. К новым костюмам выдали и новые паспорта взамен краснофлотских книжек. Из личных вещей не разрешили оставить ничего: даже письма и фотографии родных и близких переключевали в руки особистов.

В день отплытия в никуда главнокомандующий Черноморским флотом сказал напутственное слово: "Задача ваша - дойти до Архангельска. Решите ее - молодцы, а нет - вечная вам память". И 25 ноября 1941 года "Микоян" вышел в свое кругосветное путешествие.

Всего неделя понадобилась ему, чтобы, прорвав зону боевых действий, очутиться на Босфоре и в Средиземном море. Вот и остров Родос. А тут новая напасть - итальянские военные моряки заподозрили что-то неладное во внешне мирном судне и решили на всякий случай его утопить.

В это время команда в кают-компании кино смотрела. "Танкер "Дербент" называется. Вахтенные, как положено, службу несли. Глядят, а вокруг "Микояна" оживление какое-то поднялось. Сначала шхуна крутилась, следом за ней самолет наведалься, высматривая с воздуха орудия на борту... А под вечер и торпедные катера окружили махину ледокола. Еще чуть - и прости-прощай, страна родная!

Залп! И видят столпившиеся на борту моряки, как по фосфоресцирующей воде Средиземного моря несется на них остроносая смерть. Но капитан "Микояну" достался не промах, увернулся корабль толстой, но грациозной бабочкой от торпед. Всего в метре от корпуса корабля проскользнули они.

Тут катера совсем обнаглели. Встали под самые борта нашего судна - и давай поливать огнем со всех щелей. Прострелили командирский катер - тугая струя топлива хлынула прямо в море. Начался пожар. И тут в чью-то умную голову пришла хулиганская мысль: помыть зарвавшиеся катера из 6-атмосферных брандспойтов. Враз смыли итальянцев!

Но через минуту об этом уже пожалели. На смену мелким катерам прилетели самолеты-торпедоносцы. С них панорама чудная открылась: огромное масляное пятно горит, дым валит, ну и скинули летчики свои бомбы аккуратно в эпицентр этого горящего ада. И невдомек им было, что под покровом дымовой завесы "Микоян" тихонечко уполз на безопасное расстояние и принялся зализывать раны.

На память об этом событии у матроса Лебедева до сих пор грамота командования хранится. В ней сказано: "В момент нападения итальянских торпедных катеров товарищ Лебедев находился на клинкетках затопления, подавая пример своим хладнокровием и мужеством во время выполнения приказа "Корабль в плен не сдавать и сами не сдаваться".

То есть он готов был в любой момент затопить судно вместе со своими друзьями...

"КО-КО" ОТ "КУ-КА-РЕ-КУ"

После родосского эпизода командир судна решил подстраховаться: впереди лежала кишачая немецкими субмаринами Атлантика, а на борту "Микояна" ни одного орудия. От подводных лодок брандспойтами не отобьешься. Да и пушечки даже самой маленькой на скромные средства команды нигде не купишь. Что делать?

Выручила природная смекалка. Под покровом ночи еще у северных берегов Африки несколько арабов доставили на борт "Микояна" огромные бревна. Их установили на месте пушек, зачехлили - ни дать ни взять орудия. Пусть стрелять из них нельзя, но поугагать-то сгодятся. И помолясь всем морским богам, вышли в открытые воды Атлантики, взяв курс на Монтевидео.

В океане шли под английским флагом. И при этом ни один из членов экипажа на языке туманного Альбиона не мог сказать даже двух слов. Только гидроакустик Сеня Клейн понимал что-то в непонятной остальным морячкам тарабарщине.

Но русских моряков смутить чем-то трудно. Поэтому когда корабль заходил в зарубежные порты (а отметками о пребывании в них матросская книжка Лебедева просто испещрена), каждый из путешественников просто мечтал сойти на берег. Гулять разрешалось только группами не меньше пяти человек, чтобы исключить попадание в экстренные ситуации. Но без приключений все же не обходилось.

Так, однажды группа матросов, в состав которой входил и наш герой, забрела в припортовый кабачок. Пересчитали карманные деньги и решили кутнуть по полной программе. А тут и услужливый официант подлетел, меню всем под нос сует. Ну, ребята не промах, показали ему от первого до последнего пункта несколькостраничного меню и рукой махнули: "Тащи все!". Тот мгновенно все понял, хоть и иностранец, пулей на кухню улетел, а потом добрых полчаса таскал блюда, тарелки, бутылки, салатницы. Заставили едой целых два стола. Морячки веселятся, только один Гришка-кочегар не рад. "Не могу, - говорит, - братишки, на их жратву глядеть, хочу нашей яичницы-глазуньи".

Хотеть - одно, а попросить-то как? Подзывает официанта и начинает ему всякие гримасы строить. То "ко-ко-ко" кудахчет, то петухом поет. Официант кивнул головой, сбегал опять на кухню и бегом оттуда жареного петуха тащит. Гришка аж в лице переменялся, пальцем официанту у виска крутит. И еще пуще на все лады старается. Дошел уже до того, что принялся изображать, как петух курицу топчет.

В кабачке все есть перестали, сидят, на моряков смотрят и хохочут. Один только официант не рад - такие выгодные клиенты гневаться начинают. Хорошо, на его спасение, в кафе зашли несколько русских эмигрантов, которые подросли на помощь бывшим соотечественникам. Только с их помощью Гришка получил вожаемое "ко-ко".

Или еще был случай, произошедший прямо в новогоднюю ночь 1942 года в порту Хайфы, где экипаж занимался починкой пострадавшего при прохождении Средиземного моря судна. Откуда взялись там глубоководные мины, никто так и не понял, но в тесном скоплении кораблей произошел вдруг переполох, когда на такой мине подорвался норвежский танкер. Пламя от загоревшейся вытекающей нефти осветило темное небо. Один за другим вспыхивали гигантскими спичками английские корабли, стоявшие борт о борт с нашим ледоколом. В горящую бездну прыгали люди... Но экипаж "Микояна" и здесь проявил удивительную выдержку и находчивость. В рекордные сроки механики собрали одну из разобранных машин, что позволило кораблю на максимальной скорости выйти из объятаго пламенем порта. А потом сделали все, чтобы спасти тонущих иностранных моряков.

Правда, причитающихся слов благодарности русским морякам услышать не пришлось. Капитаны судов, чьих моряков "Микоян" благополучно высадил на берег, наоборот, очень переживали, что за эту услугу им придется платить. Но наши гордо удалились.

СУДА УХОДЯТ В ПЛАВАНЬЕ

К ДАЛЕКИМ БЕРЕГАМ...

С той поры, как ледокол "Микоян" покинул Туапсинский порт, минул год. Корабль, прошедший четыре океана, юг Европы, Африку, Южную и Северную Америки, приближался к бухте Провидения, не потеряв ни единого человека. Там он взял караван из 34 судов и 1 декабря 1942 года уже входил в Архангельск.

Дальнейшая его судьба ничем не отличалась от участи остальных ледоколов. "Микоян" обеспечивал проводки отечественных и союзных конвоев в Баренцевом, Белом и Карском морях, а с 1943 года - в водах сектора Арктики и Тихого океана.

Команда, с которой судно совершило свое кругосветное путешествие, была расформирована и рассредоточена по разным фронтам войны. Александр Лебедев оказался в охране водного района Архангельска. Там он освоил секретное делопроизводство и до 1944 года служил писарем в штабе. И уже под занавес войны попал в спецкоманду на взятие Печенги в Заполярье. В незамерзающем экс-финском порту Лиинахамари он и встретил Победу.

Максим ВЛАДИМИРОВ,

спец. корр. "Новгородских ведомостей".

Пестовский район.
